

ПОСЛАНИЕ «К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ» И ЕГО АВТОР*

І. НОВОЕ О ПОЭТЕ А. И. МЕЩЕВСКОМ

Сообщение Н. А. Роскиной

Внимание исследователей давно уже привлекала загадочная судьба поэта Александра Ивановича Мещевского (род. около 1791 — ум. около 1820)¹. Еще в шестидесятых годах, печатая письма Жуковского, П. И. Баргнев заинтересовался человеком, имя которого часто встречалось в переписке арзамасцев в 1816—1819 гг., но стал втупик перед невозможностью уяснить себе существенные черты его биографии. Известно было только, что Александр Мещевский находился в ссылке в Оренбурге, откуда присылал Жуковскому горестные письма, и Жуковский старался, чем мог, помочь ему. Напоминания о том, что Мещевский нуждается в поддержке, мы читаем в письмах Жуковского к А. И. Тургеневу и к Вяземскому, Тургенева и Вяземского — друг к другу; с просьбой послать Мещевскому денег Жуковский обратился даже к А. П. Киреевской, и она исполнила эту просьбу². Мещевский получал деньги и от Вяземского.

«Надобно помнить и о том, что ближе к „Арзамасу“, — писал Жуковский Тургеневу в конце 1816 или в начале 1817 г., — Мещевский в Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете в Петербурге!..»³ «Надобно вытащить его из бездны», — взывал Вяземский к Тургеневу⁴ и т. д.

Итак, арзамасцы не только посылали Мещевскому деньги; они пытались «вытащить его из бездны», то есть хлопотать о его возвращении, но усилия их оказались тщетными, и вызволить Мещевского из Оренбурга не удалось. Добавим, однако, что, как это ни странно, дело Мещевского было известно его петербургским доброжелателям, повидимому, не более подробно, чем позднейшим исследователям эпохи. «Оренбургский поэт (как человек, и молодой человек), без сомнения, достоин жалости; но как вмешаться в дело, которого не знаем?»⁵ — писал 18 февраля 1817 г. Жуковскому Карамзин (арзамасцы пытались вовлечь и его в хлопоты о Мещевском). Таким образом, из многочисленных упоминаний о «приемыше

* Два сообщения, печатаемых ниже, по-новому решают вопрос о том, кто был автором послания «К артельным друзьям», — послания, обращенного, как убедительно доказала М. В. Нечкина, к членам Священной артели (см. М. В. Нечкина. Священная артель. Кружок Бурдова и Колошина в 1814—1817 гг. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 156—160). Впервые печатается и полный текст этого стихотворения, ранее известного лишь в отрывке. До сих пор автором послания считался А. Мещевский. Исходя из этого, М. В. Нечкина предположила, что Мещевский был членом Священной артели. Новонайденные документы (полный текст стихотворения «К артельным друзьям» и автографы писем Мещевского) доказывают, что Мещевский не был членом преддекабристской организации и что послание «К артельным друзьям» написал Петр Колошин. Доказательству этих положений и посвящены предлагаемые работы. — *Ред.*

Арзамаса» в опубликованной переписке современников⁶ мы не можем почерпнуть ничего, что хоть сколько-нибудь пролило бы свет на обстоятельства, при которых Мещевский был сослан. Вяземский пишет о «государстве, где Озеровы принуждены для куска хлеба служить в Лесном департаменте и где найдешь не одного Мещевского, а сотни»⁷, — и даже в таком контексте, обобщая свое отношение к аракчеевской России, Вяземский не сказал ни одного слова, позволявшего предположить, что ссылка поэта была вызвана мотивами политическими. Следовательно, даже тем, кто сочувствовал Мещевскому и хлопотал за него, не были известны ни причины, по которым он был сослан, ни обстоятельства, в которых он перед этим находился.

В 1867 г. редактор «Русского архива» обратился к читателям с просьбой сообщить хоть что-нибудь о судьбе поэта, сгинувшего в глуши, в ссылке. Вскоре в «Русском архиве» была напечатана заметка — отклик некоего Н. Б.⁸, сообщавшего, что в «Записках» А. С. Шишкова⁹ напечатано стихотворение «К артельным друзьям», приписываемое Мещевскому. Заметка эта не проясняла, однако, темную историю ссылки Мещевского, — историю, интерес к которой со стороны исследователей декабризма не был утрачен и в нашем веке. В 1927 г. Ф. Шипулинский написал о Мещевском статью: собрав все имеющиеся в литературе сведения, он попытался воссоздать жизненный и творческий путь «забытого поэта»¹⁰. Первые упоминания о Мещевском в письмах Жуковского и близких ему людей появились в 1816 г. Ф. Шипулинский исходил из этой даты, и у него не было никаких сомнений, что именно тогда поэт и был сослан в Оренбург. Оттуда, — умозаключал Шипулинский, — разлученный со своими товарищами и единомышленниками, он прислал им послание «К артельным друзьям» — живые и сильные стихи, проникнутые вольнолюбивым настроением, свойственным передовой поэзии тех лет. Послание это, под которым стояла дата «1817 год» и «имя сочинителя означено: *Мещевский*», должно было появиться в «Новостях литературы», но вызвало возражения цензора и было представлено министру народного просвещения А. С. Шишкову, — об этом докладывал сам Шишков в своем письме к Александру I. Стихи пропущены в печать не были.

Излагая историю Священной артели¹¹, М. В. Нечкина, на основании этих слов Шишкова, справедливо заключает, что послание «К артельным друзьям» обращено к членам Священной артели. Оснований сомневаться в достоверности слов Шишкова об «имени сочинителя» у М. В. Нечкиной не было. Поэтому она допускает, что именно Мещевский — автор послания — и был упомянут Кюхельбекером в его позднейшей зачеркнутой записи в дневнике рядом с Бурцовым, Колошиным, Вольховским и другими друзьями его юности¹².

Такова история вопроса.

Однако в действительности Мещевский не был автором стихов «К артельным друзьям» и никакого отношения к Священной артели не имел.

Как выясняется из сохранившихся писем Мещевского к Вяземскому и Жуковскому¹³, он был сослан в Оренбург значительно ранее, чем было принято считать, — еще в 1812 г., во время Отечественной войны, и причиной ссылки послужил недостойный поступок молодого офицера. Сам Мещевский так рассказывает о нем Вяземскому в письме от 6 февраля 1817 г.: «Вы благородны — этой доверенности довольно, чтобы избавить меня от жестокого смятения — не имею нужды тронуть Вас оправдательными причинами моего проступка, когда могу сказать Вам, что я доволен моими чувствами. От мысли к мысли, от места к месту, гонимый всеми исступлениями молодости, ожесточенной, но чувствительной, бросился я наконец в военную службу — в Астраханский кирасирский полк юнкером — в 1812 году; воображение произвольной смерти, очевид-

ной в тогдaшнее время при неумении управлять конем и палашем, слившиеся мысли о ранее претерпленных мною несчастиях внушили мне бедственное желание сбросить с себя еще лишние оковы — оковы необдуманной службы и оставить полк — чрез месяц вступления в оный. Четыре года несчастия заплатили уже моей бедственной опрометчивости — я нахожусь рядовым в Оренбургском гарнизонном полку — в бумаге сказано: *разжалован навсегда*, но о лишении дворянства ничего не сказано — и на милость образца нет. Ах! Ваше сиятельство! Самый порочнейший человек, самый вредный не мог бы быть наказан более, как наказана опрометчивость сердца, бывшего только мягким к впечатлению свободы и обольщающих неопытность страстей, вредных только *самому себе*»¹⁴.

14 декабря 1817 г. Мещевский писал Жуковскому: «...пяти летам беспрестанной и тяжелой думы принесена не бедная жертва здоровья».

Итак, даже не зная подробнее всех обстоятельств разжалования Мещевского, можно представить себе, чем оно было вызвано: Мещевский выразил желание оставить полк в военное время, что приравнялось к дезертирству. Таким образом, представляется несомненным главное: никакой связи с образовавшейся в 1814 г. Священной артелью Мещевский, к тому времени уже два года безотлучно служивший в Оренбургском гарнизоне, иметь, естественно, не мог.

Что же касается послания «К артельным друзьям», то, как теперь доказано, написал его не Мещевский, а Петр Иванович Колошин¹⁵.

А те стихи, которые бесспорно принадлежат Мещевскому, не дают нам никакого материала для заключения о близости их к декабристской лирике. Это стихи, повторяющие излюбленные мотивы эпигонов сентиментализма десятих годов — о пастушке, месяце и уединении¹⁶. Попытка Ф. Шишулинского отыскать в этих стихах проблески социального протеста кажется нам несостоятельной.

Знакомство Мещевского с Жуковским до ссылки было, вероятно, весьма поверхностным. В 1809 и 1810 гг. Жуковский печатал произведения Мещевского у себя в «Вестнике Европы». В фонде Жуковского сохранились три письма Мещевского этих лет. Они касаются преимущественно его житейских неурядиц и безденежья: в них неизменно присутствуют просьбы о деньгах. В первые годы ссылки Мещевский к Жуковскому не обращался, и переписка между ними возобновилась лишь в 1816 г., что и ввело в заблуждение исследователей. В том же году Мещевский, по совету Жуковского, вступил в переписку с Вяземским, — лично знакомы они не были. Молодость сосланного поэта (в 1816 г. Мещевскому, как он сообщает в письме к Жуковскому, было двадцать пять лет), трудности его оренбургского житья, бедность и непосильная работа, — именно это, а не какие-нибудь идейные соображения, — вызывали сочувствие старших собратьев по перу, старавшихся доставить ссылке литературный заработок. Жуковский даже послал ему свою сказку «Марьяна роца», которую Мещевский переложил в стихи. Он предлагал также Мещевскому записывать и присылать местные оренбургские предания и сказки. Насколько можно судить по переписке, Мещевский этим предложением не воспользовался.

Последнее письмо, посланное Мещевским Вяземскому, датировано 3 декабря 1819 г. Мещевский пишет о своей тяжелой болезни (чахотке) и о предчувствии близкой смерти. Повидимому, вскоре он и скончался; в дальнейшей переписке современников имя его не упоминается.

Шишков пишет в своих «Записках», что Воейков считал Мещевского умершим несколько лет назад. Надо думать, что Воейков не лгал; не желая называть истинного автора вольнолюбивых стихов и тем самым подвергать опасности Петра Колошина, Воейков приписал послание «К артельным друзьям» Мещевскому, которого к тому времени уже не было в живых. Не исключена также и возможность, что Воейковым

руководили какие-то чисто коммерческие соображения (см. об этом ниже в сообщении А. Ю. Вейса). А вернее всего, что сам Колошин, передавая стихи в «Новости литературы» и предугадывая цензурные осложнения, постарался заранее направить внимание цензуры по ложному следу¹⁷.

Итак, причислить Мещевского к идейным предшественникам декабристов нет оснований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имя и отчество Мещевского выясняются из его писем, о которых см. стр. 538—539. Эти же письма позволяют приблизительно установить годы рождения и смерти Мещевского, неверно указанные С. А. Венгеровым («Критическо-биографический словарь русских писателей и ученых», изд. 2, т. II. Пг., 1915, стр. 105).

² «Русская старина», 1883, № 9, стр. 537—538, 541.

³ «Русский архив», 1867, стб. 811.

⁴ «Ост. архив», т. I, стр. 53.

⁵ «Русский архив», 1869, стб. 1386. — Курсив наш.

⁶ «Русский архив», 1867, стб. 815. — Об отношении арзамасцев к Мещевскому см. подробнее в книге: М. С. Боровкова-Майкова. Арзамас. Л., 1933 (стр. по указателю).

⁷ «Ост. архив», т. I, стр. 53. — Речь идет о писателе В. А. Озерове.

⁸ «Русский архив», 1867, стб. 811; там же, 1868, стр. 938—939. Не Н. П. Барсуков ли подписался своими инициалами?

⁹ «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», т. II. Берлин, 1870, стр. 266—268.

¹⁰ Ф. Шипулинский. А. Мещевский (Забытый ссыльный поэт). — «Искусство», 1927, кн. II-III, стр. 171—198.

¹¹ «Декабристы и их время», 1951, стр. 159—160.

¹² Запись эта факсимильно воспроизведена в «Лит. наследстве», т. 16-18, 1934, стр. 329. М. В. Нечкина, впрочем, допускает, что фамилия, оставшаяся нерасшифрованной в этой густо зачеркнутой записи, может читаться и как «Искритский». Но это мнение опровергается данными, приведенными в напечатанном ниже сообщении А. Ю. Вейса «Петр Колошин — автор послания „К артельным друзьям“». Мы же заметим, что, независимо от наших изложенных далее аргументов, те буквы зачеркнутого слова, которые удаётся разобрать, не дают основания читать «Мещевский» (опираемся на мнение специалиста — текстолога Т. Г. Цявловской).

¹³ ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 2308 и ф. № 198 (Жуковского), ед. хр. 110.

¹⁴ Здесь же Мещевский пишет «о рекомендательном письме» оренбургского генерала Д. И. Герценберга; оно являлось, очевидно, ходатайством о смягчении участи ссыльного. 14 февраля 1817 г. Мещевский подтверждает, что ходатайство Герценберга и копия с него для Жуковского (которую Жуковский послал затем Тургеневу — см. В. А. Жуковский. Сочинения, изд. 7, т. VI. СПб., 1878, стр. 405) отправлены Вяземскому; но эти документы в архивах Жуковского и Вяземского не сохранились — несомненно, потому, что были переданы по назначению. Не удалось разыскать и приказ о разжаловании Мещевского.

¹⁵ См. сообщение А. Ю. Вейса в настоящем томе, стр. 541—554.

¹⁶ Перу Мещевского принадлежит немало стихотворений (некоторые появились в печати уже после его смерти), например: «Уединение» в «Избранных сочинениях из „Утренней зари“», ч. I. М., 1809; три стихотворения в январской книжке «Вестника Европы», 1810 г.; «Горесть пастушки» в «Опыте русской антологии», 1828 г.; «Месяц» в «Невском альманахе» на 1826 г. В 1817 г., стараниями Жуковского и Вяземского, вышла в свет поэма «Наталья, боярская дочь» — автор ее был скрыт под инициалами А. М. Печатались и другие стихи и переводы Мещевского.

¹⁷ Стихи Колошина не единственный раз появились под именем Мещевского (см. вышеупомянутое сообщение А. Ю. Вейса). Со своей стороны, выскажем еще одно предположение. В «Сыне отечества» (1822, № 10, стр. 129—131) было напечатано послание: «К сочинителю поэмы: Руслан и Людмила», подписанное А. М. Известно, что под инициалами А. М. печатались произведения Мещевского. Однако по самому своему духу послание «К сочинителю поэмы: Руслан и Людмила» никак не может быть приписано Мещевскому (да и хронологически — вряд ли Мещевский мог успеть откликнуться на поэму, вышедшую в свет в 1820 г.). Автор призывает Пушкина сбросить «чувственной неги позорное бремя» и воссоздать подвиги героев. Замысел послания и строй стиха очень близки стихам Петра Колошина. Таким образом, закономерно допустить мысль, что именно Колошин и написал стихотворение; разумеется, это не более как предположение.

В сборнике «Декабристы», составленном В. Н. Орловым (М.—Л., 1951, стр. 136—137 и 624), это стихотворение без аргументации приписано А. Марлинскому.

II. ПЕТР КОЛОШИН — АВТОР ПОСЛАНИЯ «К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ»

Сообщение А. Ю. Вейса

I

Священная артель — одна из организаций, предшествовавших возникновению декабристских тайных обществ. В нее входили братья Муравьевы, Колошины, Пущины, Бурцов и другие. Документы, касающиеся деятельности Священной артели, очень немногочисленны: несколько страниц в воспоминаниях И. И. Пущина¹, Н. Н. Муравьева-Карского², А. Е. Розена³ и несколько строк в дневнике В. К. Кюхельбекера⁴.

Известно только одно художественное произведение, посвященное Священной артели, — это послание «К артельным друзьям». До сих пор из него было опубликовано всего 28 стихов. По словам А. С. Шипкова⁵, послание было подписано фамилией «Мещевский». Между тем это не соответствует истине, и вновь найденные материалы дают возможность установить имя настоящего автора.

В Институте русской литературы Академии наук СССР, в архиве И. Е. Великопольского (1797—1868), нам удалось обнаружить полный текст послания (113 стихов). Он записан рукою Великопольского в тетради, озаглавленной «Избранные места из разных писателей». Под текстом стихотворения тою же рукою четко выведено: «Петр Колошин»⁶. Приводим послание полностью:

К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Друзья! В приют свой удаленный
От света тяжких уз,
Мечтаньем сладким увлеченный,
Я к вам перенесусь.
Леса дремучие и горы,
И реки между нас;
Не тешат дружбы разговоры,
Не бьет беседы час.
Но что возможно мысль крылату
В пути остановить?
И душу, чувствами богату,
Что может охладить?

Артель святая! Где гуляешь
Порывом беглых дум?
Чем сердце днешь увеселяешь?
В чем пишу видит ум?
Природы ль зря во всем создание
Ненарушимый строй,
Ты утопаешь в созерцанье,
Блаженствуя душой?
Иль окружен(ная) тенями
Из древности седой
Ты красишь мудрыми гостями
Свой уголок простой?
Иль мыслию склоняясь долу
К родимой стороне,
Бродящих дум по произволу
Блуждаешь в сладком сне
Прошедшего в странах блаженных?..

Почто ж вслед мыслей окрыленных
Я сам не возмогу лететь,
Спуститься в милый круг почтенных
И сердце дружбой отогреть?
Здесь все так холодно, безответно,
Все душу робкую страшит;
Здесь время сном тяжелым спит,
И жизнь влечится неприметно...

Ужель на радость нам даны
Лишь беглые минуты,
А груды лет посвящены
На грусть и скорби люты?
Все в мире держится одной
Десницею незримой;
Везде согласный, дивный строй,
Во век ненарушимый.
И прах взметенный, и светил
Бесчисленные сонмы
Глагол единый подчинил
Под равные законы.

И сей водимые рукой
Блаженствуют вселенны,
Везде согласный дивный строй
Все счастьем прельщенны.
Один лишь смертный мира чужд,
Отверженный твореньем,
В борьбе страстей, в грызенье нужд,
Забытый провиденьем,
Влекомый пламенной душой —
Не находя, желает,
Везде зрит счастья дивный строй —
И счастья не знает.

Друзья! Вот стон души моей
Скорбящей, одинокой!
Мечта золотая ранних дней
Еще от нас далеко.
Еще в тумане скрыта цель
Возлюбленных желаний.
Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов золотых
Для счастья отчизны —
Кто ж в шуме радостей пустых
Мне заменит в сей жизни?
Я с вами — и в душе горит
Добра огонь священный!
Без вас — иной все кажется вид,
Столь низкий и презренный.
Но час пробьет, услышим мы
Отчизны призыванья!
Тогда появятся из тьмы
Душ пламенных желанья.

Сплетенные рука с рукой,
 На путь мы ступим жизни,
 И пылкой полетим душой
 Ко счастью отчизны.
 И кто возможет положить
 Преграды нам в полете?
 Кто для отчизны хочет жить,
 Тот выше бедствий в свете.
 Судьба! Вознаградишь ли ты
 Счастливо ожиданье?
 Быть может, сладостны мечты,
 Младых сердец желанья
 Пройдут, как утра легкий сон,
 Как беглых струй течение,
 И мы, завистных слыша стон,
 Зря злобы иступление,
 Беспечность слабых и к другим
 Их холодное участие,
 Лишь вздохом горести почтим
 Всеобщее несчастье.
 Друзья! Блажен, кто в жизни сей
 На возмущенном море,
 Искусный кормчий средь зыбей
 Стихий в упрямом споре,
 Отважно плыл и вел других
 Десницей благотворной.
 Но кто зрит слабость сил своих
 Средь бури непокорной —
 Тот счастлив, коль дрожащий челн
 Извел из вод смущенных
 И зрит спокойно ярость волн
 О берег раздробленных.

Переписывая какое-либо сочинение в свою тетрадь, Великопольский почти всегда указывал, откуда оно взято, и проставлял имя автора. В тех же случаях, когда автор был ему неизвестен, Великопольский определял его имя предположительно. Так, например, под текстом стихотворения «Омир» (на лл. 15 об.—16) в скобках указано: «Из журнала Невский зритель, № 1, 1821-й г. Имя автора не подписано, но кажется Плетнев».

В эту же тетрадь Великопольский переписал вольнолюбивые стихотворения Пушкина «Деревня» и «Ода на свободу» («Вольность»), а также «Трумф» Крылова и указал имена авторов. Не сделал он исключения и для Петра Колошина. А чтобы не спутать его с Павлом, братом Петра, он предусмотрительно написал имя полностью: Петр Колошин.

Многое Великопольским было переписано из «Невского зрителя» за 1821 г.; встречаются в его тетради и вещи, напечатанные ранее. Судя по этим записям, можно предположить, что тетрадь велась в начале двадцатых годов. Наиболее поздняя запись в тетради — это отрывок из «Послания к цензору» Пушкина, относящегося к 1822 г. Таким образом, ясно, что стихотворение «К артельным друзьям» было написано не позднее 1822 г.

Откуда же мог Великопольский получить стихотворение Колошина?

Оставив Московский университет, Великопольский переехал в Петербург и 2 мая 1815 г. поступил в лейб-гвардии Семеновский полк. В Петербурге Великопольский занялся литературным трудом и по-

степенно вошел в литературные круги: в первой половине 1819 г. он был принят в действительные члены Общества любителей словесности, наук и художеств, а 23 августа 1820 г. избран в члены-сотрудники Вольного общества любителей российской словесности⁷.

В эти же годы в Петербурге служил при Гвардейском генеральном штабе прапорщик Петр Иванович Колошин, член Священной артели. Во второй половине 1817 г. он был командирован в качестве преподавателя математики в московское училище для колонновожатых (муравьевское)⁸. Великопольский, служа в лейб-гвардии Семеновском полку, безусловно, знал об артели полка, закрытой в 1815 г. по царскому приказу, и, вероятно, знал и о Священной артели. После восстания Семеновского полка репрессии коснулись и Великопольского. Его перевели в пехотный полк, в провинцию⁹. Здесь он встретился с И. И. Пушиным, который был участником похода, совершенного гвардией после восстания Семеновского полка: гвардия была послана в этот поход в наказание за «вольнолюбивый дух».

Вполне допустимо, что Великопольский, офицер Семеновского полка, знакомый Пушина¹⁰, родственника Колошинных¹¹ и члена Священной артели, знал от друзей-«артельщиков» стихотворение «К артельным друзьям» и, заинтересовавшись им, переписал его именно в ту тетрадь, где находятся произведения Пушкина и Крылова.

Чем же объяснить историю, изложенную А. С. Шишковым?

Рассказывая о том, что в 1824 г. А. Ф. Воейков предполагал напечатать в своем журнале отрывок из послания, Шишков сообщает следующее: «...я велел цензорам при малейшем сомнении относиться ко мне. Многое останавливал. Напоследок, пришедший раз цензор принес ко мне поступившие к нему стихи и спрашивает, велю ли я их пропустить. Стихи сии присланы под следующим заглавием: Послание к артельным друзьям. Год поставлен 1817. Имя сочинителя означено Мещевский. Слова *артельные друзья* само собою показывают, что *послание* сие относится не ко всем вообще читателям, но к какой-то артели, то есть неизвестному или тайному обществу. Год 1817 есть тот самый, с которого стали наиболее печатать и распускать книги, явным образом возмутительные против веры и правительства. Далее Шишков пишет: «Я призвал к себе журналиста (Воейкова) и спросил у него: как смел он такие стихи принять с намерением издать в своем журнале? Он сперва покушался дать им благовидный смысл; но когда увидел, что сего невозможно, то в извинение свое отвечал мне, что не смеет присылаемых к нему стихов не принимать, опасаясь, что его вызовут за то на поединок. Потом, когда я у него спросил, кто такой Мещевский, подписавшийся под сими стихами, где он живет и откуда прислал их? то он мне сказал, что этот Мещевский года три или четыре тому назад умер и оставил у него свои сочинения. И так, по словам его, опасался он, что и мертвый вызовет его на поединок! Цензор тоже боится, что если он не пропустит, то его разругают или приберут. Вот до чего простирается дерзость таковых писаний и требований!»¹².

Шишков не разрешил напечатать отрывок. То, что отрывок был подписан фамилией Мещевского, можно объяснить только некоторыми особенностями Воейкова как редактора. О них мы скажем ниже.

II

Для того чтобы установить с полной очевидностью, кто был автором стихотворения «К артельным друзьям», необходимо изучить творчество Петра Колошина и Александра Мещевского, сопоставить произведения обоих поэтов и остановиться на редакторской деятельности А. Ф. Воейкова.

Но прежде надо точно установить, кто был автором стихотворений, опубликованных в «Сыне отечества» за подписью: «П. Колошин 1» и «П. Колошин».

В «Критико-биографическом словаре» С. А. Венгерова имеются сведения о том, что стихи писал Павел Колошин, о Петре же Колошине сказано, что он был переводчиком¹³. В данном случае, как будет видно ниже, Венгеров допустил неточность.

Остановимся на двух стихотворениях, опубликованных в «Сыне отечества». Одно из них—«Воспоминание и надежда»—подписано «П. Колошин 1»¹⁴.

Петр Колошин родился в 1794 г. и был старше брата Павла на пять лет, поэтому резонно считать П. Колошиным первым именно Петра.

Второе стихотворение—«Счастье»—подписано: «П. Колошин»¹⁵. Так же как и первое, оно, безусловно, принадлежит Петру Колошину. В этом нас убеждают прежде всего автобиографические подробности, содержащиеся в стихотворении:

Я финские видел бесплодные скалы,
Гарумны, Секваны роскошны брега...¹⁶

Обратимся к воспоминаниям Муравьева-Карского: «Мария Николаевна <мать братьев Колошиных> упростила князя Волконского, чтобы командировали второго сына ее, Петра¹⁷, на съемку в Финляндию, куда он и отправился <...> в полночь <28 мая 1815 г.> прибыл на станцию Кипень. Под самый бой стенных часов вошел в комнату Петр Колошин, который выехал из Петербурга в один день со мной, следуя по почте в Париж...»¹⁸.

Именно Петр Колошин, избородивший во время топографической съемки Финляндию и побывавший во время похода 1815 г. в Европе, мог писать в своих стихах о финских «бесплодных скалах» и «роскошных брегах» Гаронны и Сены.

Кроме этих двух стихотворений, в «Сыне отечества» в 1819 г. было напечатано еще стихотворение под заглавием «Призрак»¹⁹, подписанное цифрами: «16. 11.», что обозначает «П. К.», то есть 16-я и 11-я буквы тогдашнего русского алфавита. Принадлежность стихотворения Петру Колошину сомнений не вызывает, так как тематически и стилистически оно явно примыкает к «Счастью» и другим стихам Колошина²⁰. Именно это стихотворение Петра Колошина, так же как и его стихотворение «Деревня» и послание «К артельным друзьям», надо думать из-за редакторского произвола Воейкова, были связаны с именем Мещевского.

В декабре 1825 г. А. Ф. Воейков перепечатал в «Новостях литературы»²¹ стихотворение «Призрак» с подписью: «Мещевский». Современный исследователь журналистики интересующего нас периода, Н. И. Мордовченко, указав на положительную сторону деятельности Воейкова как критика и polemиста, неизменно выступавшего на стороне Пушкина и его друзей, писал: «В деятельности Воейкова было много и отрицательных черт: он был литературным дельцом, и коммерческие интересы своих изданий ставил на первый план. Он бесцеремонно относился к литературной собственности и зачастую, без всякого ведома авторов, перепечатывал их произведения в своих журналах. В 1820-е годы вошел в обиход даже особый термин „воейковствовать“, „воейковщина“, имевший определенный предосудительный смысл»²². По всей вероятности, именно эти, не вполне благовидные редакторские «привычки» Воейкова позволили ему не только перепечатать уже опубликованное стихотворение Петра Колошина «Призрак» под фамилией Мещевского, но и впервые опубликовать стихотво-

рение Колошина «Деревня» в октябрьской книжке «Новостей литературы» 1825 г. под тем же именем²³. В 1824 г. Воейков, как видим из свидетельства А. С. Шишкова, предполагал напечатать в «Новостях литературы»²⁴ послание «К артельным друзьям», опять-таки под фамилией Мещевского.

Воейков, однокашник Жуковского и Мещевского по Московскому университетскому пансиону, разумеется, не хуже Жуковского был осведомлен о судьбе ссыльного и воспользовался смертью Мещевского для опубликования и перепечатки стихов Колошина, вероятно без его ведома, по соображениям чисто коммерческим.

Эти редакторские манипуляции Воейкова ввели в заблуждение Ф. Шипулинского, который безоговорочно считал автором стихотворений «Призрак» и «Деревня» Мещевского²⁵. Шипулинский не подозревал, что «Призрак» был опубликован впервые, очевидно, самим Колошиным в том же самом журнале, где за год до «Призрака» были напечатаны два других стихотворения Колошина — «Воспоминание и надежда» и «Счастье». Не знал Шипулинский и того, что стихотворение «Деревня», вероятно также с ведома автора, было напечатано спустя год после декабрьских событий 1825 г., в альманахе «Северная лира на 1827 год», с подписью «К—н». Этот криптоним раскрыт М. Н. Лонгиновым на принадлежавшем ему экземпляре альманаха, чье хранящемся в библиотеке ИРЛИ. В подписи под стихотворением Лонгинов приписал карандашом: «[Петр Иванович] К[олоши]н».

Как и подобает настоящему библиографу и библиофилу, Лонгинов не только сделал эту важную приписку, но и обосновал ее. На листке перед фронтисписом рукою Лонгинова сделана карандашом помета: «Все имена выставлены по указанию Д. П. Ознобишина. Москва. 5 мая 1861. М. Лонгинов»²⁶. Это свидетельство чрезвычайно важно: Ознобишин был не только соредактором Раича по «Северной лире», но и хорошо знал Петра Колошина, участвуя вместе с ним в литературном кружке Раича в 1823 г. в Москве²⁷.

Это свидетельство, а также автобиографические детали, тема и самый стиль стихотворения «Деревня» подтверждают авторство Колошина:

Как часто я беглою мыслью прошедшего мир обтекаю:
И волжски приветные воды, и фински седые туманы,
И шумная роскошь Парижа, и мирные Эльбы побережья,
Все розовым облаком счастья в дни юности было одето,
И даже теперь воспоминаем печальной душе благотворно.

Лирический герой стихотворений Колошина — это человек своего времени, жадно всматривающийся в мир, размышляющий о судьбах людей, о познании истины, о социальной несправде:

Иль в тихой, бестрепетной сени ученья
Водимый слепцами ты истину ловишь?
О, младости милой товарищ моей!
О, юноша телом, но старец душою,
Склонися к моленью стенищего друга:
Скажи мне, где счастье найти под луной?

(«Счастье»).

Я зрел человека в довольстве, в свободе
И к тяжелой неволе привыкших рабов;
С палат нисходил под соломенны кровы —
И видел не счастье, но счастья личину...

(«Счастье»).

Где ты, неотлучный, пленяющий призрак?
 Кто ты одинокой веселье души?
 И труд, и забавы, и скорби, и радость,
 И шумное людство, и мирная сень:
 Все твой мне являет возлюбленный образ.
 Проснется ли утро, и сердце летит
 Дохнуть упоением воскресшей природы —
 Ты, мнится, порхаешь в прохладном дыханье,
 И ты в возникающих сердца мечтах! <...>

Когда ж восхищаюсь красою создания,
 Всемою мыслью парю в небесах,
 И чувство бессмертья во мне отзовется;
 Я вижу твой взор: он весельем блистает,
 Величье мое отражается в нем.

Чей образ ты носишь? Кто, смертная, может
 Такую небесную прелесть иметь?
 Что значит всеильное сердца стремленье?
 Ужели ты призрак из будущих дней?

(«Призрак»).

Общие черты, присущие лирическому герою всех стихотворений, о которых упоминается выше, а также и лирическому герою послания «К артельным друзьям», дают основание утверждать, что автором их было одно и то же лицо, именно Петр Колошин.

III

Остановимся на стихотворении «К артельным друзьям». Все, что М. В. Нечкина говорит об авторе послания, характеризуя живые воспоминания поэта об артели, с которой он разлучен²⁸, следует отнести к Петру Колошину. Петр Колошин, как уже указывалось выше, откомандированный из Петербурга в Москву, был разлучен с артелью с сентября 1817 г.²⁹ Настроения, вызванные разлукой с «артельными друзьями», нашли живое отражение в стихах Колошина:

Друзья! В приют свой удаленный
 От света тяжких уз,
 Мечтаньем сладким увлеченный,
 Я к вам перенесусь.
 Леса дремучие и горы,
 И реки между нас;
 Не мешат дружбы разговоры,
 Не бьет беседы час.

Вероятно, в данном случае московское училище для колонновожатых и было приютом, удаленным от «тяжких уз» петербургского света. В Петербурге же для «артельщиков» этим приютом, этим святым местом была артель³⁰. Недаром Петр Колошин называет ее «артель святая»; Н. Н. Муравьев называл ее «святое братство»³¹.

Н. Н. Муравьев говорит о Священной артели: «Для порядка в обществе нашем были приняты правила с общего согласия; я был избран в казначей и артельщики. Мы обедали большею частью дома, жили порядливо, умеренно и были довольны. Занимаясь поутру службою или образованием своим, мы проводили вечера вместе, в беседе»³².

Позже, сравнивая артель на Кавказе, имевшую характер чисто бытового содружества, со Священной артелью, Н. Н. Муравьев писал:

«Я искал хоть чем-нибудь вспомнить старую артель нашу, но не удалось: не те люди, не то единообразие в обычаях, мыслях, не та связь»³³.

Эти слова, так же как и стихотворение «К артельным друзьям», написаны по живым следам, поэтому их значение для исследователей истории Священной артели безусловно. Стихотворение вероятнее всего надлежит датировать 1817 годом. Наиболее острый период разлуки с «артельными» друзьями был пережит Петром Колошиным в конце 1817— в самом начале 1818 гг.; вскоре же, в начале 1817 г., в московское училище для колонновожатых был откомандирован также М. Н. Муравьев, и с его приездом ощущение одиночества, которым был охвачен Колошин, надо полагать, исчезло.

Воспоминания об артели, написанные много времени спустя (запись В. К. Кюхельбекера в Свеаборгской крепости сделана 11 января 1835 г.³⁴, то есть почти через 20 лет, а строки И. И. Пущина, посвященные артели в «Записках о Пупкине»³⁵, написаны почти через 40 лет), тоже свидетельствуют, что бывшие члены артели сохранили о ней благодарную память. «Артель святая» оказывала на своих членов «благодарное» и сильное воздействие.

Испытал его на себе и Петр Колошин:

Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов златых
Для счастья отчизны —
Кто ж в шуме радостей пустых
Мне заменит в сей жизни?

Всем приведенным выше стихам, автором которых был Петр Колошин, присуща стилистическая общность. Как одну из стилистических особенностей творчества Колошина отметим наличие в его стихах вопросительных предложений. В стихотворении «Воспоминание и надежда» в первой строфе читаем:

Давно ли беспечный, как воздуха житель,
Несытой душею я радость ловил?
Давно ли мне мир сей был счастья обитель?
Давно ли я сердцем все в мире любил?
Ужели и сонмы волшебных мечтаний
Исчезли на веки, о юность, с тобой?
Ужели и прелесть безвестных желаний
Не будет тесниться в груди молодой?
Ужели на веки рукою железной
Рассудок волшебны покровы сорвал,
И мир не воскреснет мечтою любезной?
Ужель невозвратно век счастья пропал?

Сравним эту строфу с последней строфой «Счастья»:

Где ж юности милый, обманчивый призрак?
Где с голосом сердца согласный ответ?
Ужели так рано проститься с мечтою?
Ужель все надежды исчезли, как дым?
Что ж в жизни осталось?— С бесчувственным
сердцем

Не ведать ни грусти, ни слез упоенья,
И в мире пустыню лишь видеть одну!
Ужели на то нас судьба сотворила,
Чтоб многие годы быть каменным, мертвым,
Чтоб в темну могилу, не живши, сойти?

Наконец, сравним эти отрывки с уже приводившимися стихами Колошина и убедимся в их стилистической и смысловой близости.

Отдельные стихи «Счастья» и послания «К артельным друзьям» особенно близки и по смыслу и по стилистическим особенностям.

СЧАСТИЕ

Скажи мне, где счастье найти под луной?

Все счастья ищут — никто не находит...

Ничто не излечит *грызенья забот*...

Иль горести смертным одни суждены?

К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Один лишь смертный мира чужд,

Отверженный твореньем,

В борьбе страстей, в *грызенье нужд*,

Забытый провиденьем,

Влекомый пламенной душой —

Не находя, желает,

Везде зрит счастья дивный строй —

И счастья не знает <Курсив наш. — А. В.>.

Таким образом, в то время как фразеологии и синтаксису стихотворений «Воспоминание и надежда», «Счастье», «Призрак», «Деревня» и «К артельным друзьям» присущи одни и те же особенности, — ни по содержанию, ни по идейным устремлениям ни одно из них не имеет ничего общего со стихами Мещевского:

Покоясь у ручья, под тенистою ивой,

Пастух, мечтаешь ты в беспечности счастливой

О радостях твоих — овечках, иль плодах,

Блестящих для тебя на пышных деревьях ³⁶.

Это типичный для большинства поэтов школы Карамзина призыв устраниться от борьбы, смириться и искать пристанища в уединении.

Гонялись долго мы за алчной суетою,

За пышной славою, сим призраком пустым;

Не лучше ли нам жить с беспечною душою?..

Земное счастье проходит так, как дым.

Уединение, о друг души бесценный,

Обитель радостей, каких на свете нет!

Страдалец, и людьми и роком угнетенный,

В тебе надежное пристанище найдет ³⁷.

Те же мысли автор высказывает и в следующих стихах:

Учись терпеть, Меналк; терпенье — наша доля!

Быть счастливым, страдать, — на то есть божья воля!

(«Меналк и Дамет»).

Быть счастья игрою

Нам рок определил;

Теперь оно с тобою,

А завтра — след простыл ³⁸.

Покорность, смирение перед роком, — разве об этом писал в своих стихах Колошин?

Но что возможет мысль крылату
В пути остановить?

И душу, чувствами богату,
Что может охладить?

(«К артельным друзьям»).

Таким образом, биографические данные, а также идейная и стилистическая близость стихотворений «Воспоминание и надежда», «Счастье», «Призрак» и «Деревня» к вновь найденному тексту послания «К артельным друзьям», с одной стороны, с другой — их идейные и стилистические отличия от стихотворений Мещевского убеждают нас в том, что автором послания был член Священной артели, поэт и переводчик Петр Иванович Колошин.

К пяти рассмотренным стихотворениям Петра Колошина нужно причислить эпиграмму на Н. В. Неведомского, которую долгое время приписывали Пушкину:

Неведомский — поэт, не ведомый никем,
Печатает стихи, неведомо зачем ³⁹.

Датировать стихи Петра Колошина надлежит в такой последовательности:

1. «Воспоминание и надежда» — написано до 1817 г., ранее стихотворения «Счастье».

2. «Счастье» — написано, повидимому, еще до разлуки автора с артелью, иначе этот важный факт получил бы в стихах отражение. Первая строфа обращена либо к М. Н. Муравьеву, отлучавшемуся не раз на Кавказ в 1814—1815 гг. ⁴⁰, либо к Н. Н. Муравьеву, уехавшему в Грузию летом 1816 г. ⁴¹; таким образом, оно написано до 1817 г.

3. «К артельным друзьям» — 1817 г.

4. «Эпиграмма на Н. В. Неведомского» — 1819 г.

5. «Призрак» — 1819 г.

6. «Деревня» — не позднее октября 1825 г.

На этом заканчивается первый период творчества поэта, связанный с эпохой Священной артели и Муравьевским училищем колонновожатых. Лучшим произведением Колошина явилось в этот период послание «К артельным друзьям».

IV

Второй период творчества Колошина связан с Вольным обществом любителей российской словесности, одним из литературных филиалов Союза Благоденствия.

Из опубликованного В. Г. Базановым «Журнала ученых упражнений <...> Вольного общества любителей российской словесности» видно, что в 1824 г. Колошин присутствовал на одиннадцати заседаниях Общества и на пяти из них читал стихотворения: четыре переводных и одно оригинальное:

1. «Сон Гюона». Перевод из «Оберона» Виланда. Прочитан 14 января 1824 г. ⁴²

2. «Монастырь св. Бригитты». Перевод из «Оберона» Виланда (до нас не дошел). Прочитан 11 февраля 1824 г.

3. Неизвестный отрывок. Перевод из «Разбойников» Шиллера (до нас не дошел). Прочитан 10 марта 1824 г.

4. Неизвестный отрывок. Перевод из «Оберона» Виланда (до нас не дошел). Прочитан 24 марта 1824 г.

5. «Пароход». Прочитан 11 августа 1824 г.⁴³

Как явствует из записей в «Журнале...», все эти произведения получили от членов Общества одобрение и были единогласно «избраны к печати»⁴⁴.

Между прочим, Н. П. Барсуков указывает, что Колошин в 1823 г. в Москве состоял членом литературного кружка, группировавшегося вокруг С. Е. Раича; участниками кружка были М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Андрей Н. Муравьев, В. П. Титов, Д. П. Ознобишин, В. И. Оболенский, В. П. Андросов, Н. В. Путята, А. Ф. Томашевский, В. Ф. Одоевский и др.⁴⁵ В другом месте, говоря об этом сообществе, Барсуков подчеркивает, что Петр «Колошин мечтал перевести всех греческих и римских классиков и пр<очих>»⁴⁶. Переводческую деятельность Колошина в Вольном обществе, очевидно, надо рассматривать как одну из попыток осуществить эти мечтания.

17 декабря 1823 г. Петр Колошин был избран в члены-сотрудники Вольного общества, а в 1824 г. — в действительные члены; в журнале Общества появился его перевод из Виланда и стихотворение «Пароход»⁴⁷.

«Пароход» — одно из лучших и наиболее зрелых стихотворений Колошина. Ни в одном из его произведений не сказались с такой силой реалистические тенденции:

Здесь — все для твоего пера
И пища и воспоминанье:
Здесь каждый камень есть созданье
И прочный памятник Петра.
Не он ли первый опрокинул
Погибель на плеча врагам?
Не он ли захотел и двинул
Россию к финским берегам?
Давно ль, одетый туманом,
Забывший гордым океаном,
Сей уголок морей дремал
Среди болот непроходимых?
Жилища бурь неукротимых,
Пловец его не посещал —
И птиц морских печальны крики
Иль финской песни голос дикий
Один в пустынных берегах
Примету жизни означали.
Теперь в болотах и скалах
Роскопны города восстали:
Богатства от концов земли
Рекой в путь новый поспешили,
И чужеземны корабли
Залив пустынный заселили.

Нельзя не отметить близость образа города в стихотворении Колошина к панораме Петербурга во вступлении к «Медному всаднику».

* * *

Петр Колошин, автор послания «К артельным друзьям», поэт, основными чертами своего творчества близкий лучшим традициям декабристской поэзии, должен занять среди поэтов-декабристов то место, которое ему принадлежит по праву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пущин, стр. 74—75.
- ² Н. Н. Муравьев. Записки. — «Русский архив», 1885, № 9, стр. 30 и др.; 1886, № 2, стр. 142; № 4, стр. 461—462.
- ³ Розен, стр. 240.
- ⁴ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 330.
- ⁵ «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», т. II. Берлин, 1870, стр. 266—267.
- ⁶ ИРЛИ. Архив И. Е. Великопольского. 32129/ССЛІ, б. 17, лл. 23—25.
- ⁷ Б. Л. Модзалевский. И. Е. Великопольский. — Сб. «Памяти Леонида Николаевича Майкова». СПб., 1902, стр. 339, 340, 342 (существует отдельный оттиск с особой пагинацией); Базанов, стр. 408.
- ⁸ <Н. В. Путята.> Николай Николаевич Муравьев. — «Современник», 1852, № 5, отд. II, стр. 9; ЦГИАЛ, ф. № 19, оп. 1, ед. хр. 2554, л. 7 об.
- ⁹ Б. Л. Модзалевский. Указ. соч., стр. 344.
- ¹⁰ В ИРЛИ, в архиве И. Е. Великопольского (шифр 32101/ССХІ, б. 17. II, тетрадь № 7, лл. 25—26) сохранился автограф написанного им стихотворения: «Отрывок из письма к Ив. Ив. Пущину. Динабург. Июля 28-го, 1824 года». Это стихотворение с изъятием четырех строк опубликовано Б. Л. Модзалевским (указ. соч., стр. 350—351).
- ¹¹ Пущин, стр. 74; ЦГИА, ф. № 48, д. 224, л. 3 об.
- ¹² А. С. Шишков. Указ. соч., т. II, стр. 266, 268.
- ¹³ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, изд. 2, т. I. Пг., 1915, стр. 388.
- ¹⁴ «Сын отечества», 1818, № 38, стр. 267—268.
- ¹⁵ Там же, № 46, стр. 35—37.
- ¹⁶ Гарумна, Секвана — латинские названия рек Гаронны и Сены.
- ¹⁷ Петр был вторым сыном после Михаила, умершего во время Отечественной войны 1812 г.
- ¹⁸ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., 1886, № 2, стр. 136.
- ¹⁹ «Сын отечества», 1819, № 13, стр. 38—40.
- ²⁰ Указанию на это стихотворение в «Сыне отечества», как на произведение Петра Колошина, я обязан М. К. Азадовскому.
- ²¹ «Новости литературы», 1825, № 12, стр. 182—184.
- ²² «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. I, изд. Лен. гос. ун-та, 1950, стр. 243—244. — См. также об этом стр. 224 настоящего тома.
- ²³ «Новости литературы», 1825, № 10, стр. 79—80.
- ²⁴ Примечание в книге А. С. Шишкова (указ. соч., т. II, стр. 268), указывающее на то, что Воейков занимался в это время (то есть в 1824 г.) изданием «Сына отечества», вводит читателей в заблуждение. В это время Воейков редактировал «Русский инвалид» и издавал «Новости литературы», соредактором же «Сына отечества» вместе с Гречем он был в 1821 г.
- ²⁵ Ф. Шипулинский. А. Мещевский (Забытый ссыльный поэт). — «Искусство», 1927, кн. II-III, стр. 171—198.
- ²⁶ Этот экземпляр альманаха указан нам Я. Л. Левкович. Стихотворение «Деревня» напечатано на стр. 109—113 альманаха.
- ²⁷ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1. СПб., 1888, стр. 212.
- ²⁸ М. В. Нечкина. Священная артель. Кружок Бурцова и Колошина в 1814—1817 гг. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 160.
- ²⁹ <Н. В. Путята.> Н. Н. Муравьев. — «Современник», 1852, № 5, отд. II, стр. 9; Н. Н. Муравьев. Записки. — «Русский архив», 1886, № 2, стр. 142, 145, 146; № 4, стр. 452; Д. А. Кропотков. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874, стр. 95.
- ³⁰ На основании изучения материалов Ленинградского областного исторического архива нами установлено, что дом генеральши Христовской, где с 1815 г. жили участники Священной артели (Н. Н. Муравьев. Записки. — «Русский архив», 1886, № 2, стр. 142; Д. А. Кропотков. Жизнь графа М. Н. Муравьева. СПб., 1874, стр. 87), находился на месте теперешнего дома № 11 по ул. Марата, почти напротив дома А. Н. Радищева.
- ³¹ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 156.
- ³² Н. Н. Муравьев. Указ. соч., 1886, № 2, стр. 142.
- ³³ Там же, № 4, стр. 462.
- ³⁴ Ю. Н. Тынянов. Указ. соч., стр. 330.
- ³⁵ Пущин, стр. 92.
- ³⁶ А. Мещевский. Эклога «Меналк и Дамет». — «Вестник Европы». 1810, № 1, стр. 37.

³⁷ А. Мещевский. Уединение. — «Избранные сочинения из „Утренней зари“. Труды благородных воспитанников университетского пансиона», ч. I. М., 1809, стр. 263.

³⁸ А. Мещевский. Дружба. — «Вестник Европы», 1810, № 1, стр. 42.

³⁹ Эпиграмма была написана после выхода в свет сборника стихов Н. В. Неveuxского «Воин-поэт». Сборник вышел в начале 1819 г., следовательно, датировать эпиграмму следует 1819 г. Историю эпиграммы — см. в «Заметке об Исаковском издании Сочинений Пушкина» Н. В. Путья и в комментариях к ней К. В. Пигарева. — «Звенья», VI, 1936, стр. 161—167.

В биографической справке о Колошине, составленной К. В. Пигаревым, содержатся два ошибочных утверждения. Так, в справке говорится, что Колошин дослужился «до чина гвардии подпоручика» (стр. 167). Это неверно: Петр Колошин уже в 1821 г. был подполковником; умер он в 1849 г. в чине тайного советника (ВД, т. VIII, стр. 327; см. также: Список гражданским чинам первых шести классов по старшинству. СПб., 1849, стр. 47). Ссылаясь на «Список лиц, прикосновенных по разным случаям к делу о тайных обществах, которые не были требованы к следствию» и на «Записки» графа М. В. Толстого, Пигарев говорит о Петре Колошине, тогда как приведенные в «Списке лиц» и в «Записках» факты касаются не Петра, а его младшего брата Павла. Именно Павел Колошин сидел в крепости, именно ему был запрещен въезд в столицы (разрешение жить в Москве он получил только в 1831 г.; здесь он и умер и похоронен на Новодевичьем кладбище).

⁴⁰ Д. А. Кропотов. Указ. соч., стр. 86.

⁴¹ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., 1886, № 2, стр. 145—146.

⁴² «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. XXV, стр. 139—141. — В архиве ИРЛИ (шифр 9642, VII б. 2) хранится тетрадь Н. А. Селиванова под заглавием: «Собрание разных мелких стихотворений, пиес, мыслей и отрывок театральных», где на стр. 114—116 переписан этот перевод.

⁴³ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. XXVII, стр. 346—348. — Стихи посвящены А. О. Корниловичу. Впервые высказал предположение, что эти стихи принадлежат Петру Колошину, А. Г. Грум-Гржимайло в статье «Декабрист А. О. Корнилович» («Декабристы и их время», II, стр. 355).

⁴⁴ Базанов, стр. 392, 394, 396, 397, 401.

⁴⁵ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I. СПб., 1888, стр. 212.

⁴⁶ «Старина и новизна», кн. 7. СПб., 1904, стр. 195.

⁴⁷ Базанов, стр. 407; «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. XXVII, стр. 90.